

ДЕНИС ЦВЕТКОВ

Я был хорошим сыном и отцом...

Медальон

Помню,
У какого-то вагончика
Старшина построил батальон.
Торопясь,
Нам выдал по патрончику
Под названьем нежным —
Медальон.

Медальон носили не на шее
И не на цепочке
Иль шнулке —
Для него карманчик был в шинели,
В самом потаённом уголке.

ЦВЕТКОВ Денис Михайлович (1921–2014) родился в с. Нижний Чулым Здвинского р-на Новосибирской обл. С 1937 г. жил в Иркутске. Поэт и художник. Работал на авиазаводе. Фронт-овая тема — особая страница его творчества. Темы лучших военных стихов рождались на войне. Автор семи книг: «Высоковольтка» (1973), «Годовые кольца» (2000), «Вечерний звон» (2001), «Признание в любви» (2002), «Стихотворения» (2006), «Избранные стихи» (2006), «Земной поклон» (2011). Он является соавтором поэтического сборника «О Русь родная», изданного к 60-летию Победы советского народа над фашизмом. Денис Цветков принимал активное участие в работе литературного объединения «Парус», которое действует при редакции газеты Иркутского авиазавода с 1935 года и в котором начинали свой путь в литературу многие иркутские профессиональные писатели. Член Союза писателей России.

Если пуля
Вдруг кого настигнет
И солдат уже не сможет встать,
Санитар,
Подчас рискуя жизнью,
Тот патрончик должен отыскать.

И потом
В родимую сторонку,
Стёжками-дорожками пыли,
Медленно тащилась похоронка
Через горы, реки и поля.

Вспоминаю
Старенький вагончик,
Старшину, что бегал и орал...
Верю: этот милый медальончик
Всю войну меня оберегал!..

Смертельно раненный

Рвались снаряды слева, справа.
Земля стонала, как в бреду.
А он лежал у переправы,
У всей России на виду.

Кричал беззвучными губами,
Не в силах боли превозмочь.

И рану зажимал руками,
Стараясь сам себе помочь.

Но смерть его — стервятник старый —
Уже маячила над ним...

...Не надо плакать, санитары,
Спешите, милые, к другим!..

Я восемнадцать лет здесь не был!..

Я восемнадцать лет здесь не был!..
Передо мной во всей красе,
Как обелиск, вонзилось в небо
Волоколамское шоссе.

Насквозь продутое ветрами,
Дождём омытое, оно
Сейчас горело под ногами,
Закатным солнцем зажжено.

И здесь, где кончилось когда-то
Житьё беспечное моё,
Стоят гранитные солдаты
На месте памятных боёв.

У них величественны лица!
Богатыри! Им всё с руки!
Не зря вверяла им столица
Свою судьбу: сибиряки!

А я их знал ещё живыми,
Всех земляками называл.
И горд, что здесь вот, вместе с ними
Я оборону занимал.

В той давней полночи кипящей
Я ранен был. И я не знал,
Что земляков, на смерть стоящих,
Последний грозный разводящий
В ту ночь возвёл на пьедестал.

Но и гранитные, гвардейцы
Стоят со связками гранат...
Россия! Ты на них надейся,
Как восемнадцать лет назад!..

Сердце матери

Их мать вскормила и вспоила, На них загадывала сны. Она для мира их растила, А получилось для войны.	Ушли сыны туда, откуда Вернуться вновь не суждено... Но мать, не верящая в чудо, Их ожидает всё равно!..
---	---

Однажды

Я «вычислил» в тот раз «кукушку». (То снайпер-итальянец был.) Я трижды брал его на мушку И трижды мушку отводил.	Но чудо всё же есть на свете, Хотя его порой не ждём. Меня он тоже заприметил, Но продолжал играть с огнём!
---	--

А он, агиткой сбитый с толку, И зла к соседу не тая, Читал вчерашнюю листовку, Едва губами шевеля.	Земля была в холодном поте, И на кону стояла жизнь. Но, взвесив все и «за», и «против», Мы полюбовно разошлись.
---	--

К нему проникся я доверьем: Наверно, есть жена, семья?! Передо мной сидел «деревня», Такой же парень, как и я.	Война — волшебная наука. И мне маячил трибунал. И если бы не маршал Жуков, Ты б эти строки не читал!..
---	---

Пропавшие без вести

У двух пропавших сыновей
Могилы даже нет своей.

Могилу третьего нашли,
И то от Родины вдали.

Где и берёзы не растут,
И русских песен не поют.

А матери всё снятся сны:
Пришли домой сыны с войны.

И тихо за столом сидят,
Похлёбку нехотя едят,

И всё молчат, молчат, молчат.
И молча смотрят на девчат.

И так почти из ночи в ночь.
Побудут час-другой, и прочь.

Уходят старым большаком,
Хлеб-соль накрывши рушником.

Уходят, не взглянув на мать,
Чтоб завтра сесть за стол опять!..

* * *

Врачи всю ночь, как ангелы-хранители,
Стояли над солдатом не дыша.
И, будто плёнка в старом проявителе,
Он к жизни возвращался не спеша.

В бинтах, в подушки заживо зарытый,
Лежал и даже не дышал солдат.
Лишь только пульс, как родничок забытый,
То замирал, то бился невпопад.

К утру он шевельнул устало бровью,
Потом глаза открыл едва-едва...
...Смерть тихо дверь прикрыла за собою
И юркнула в палату номер два!

Карта

Плывут тропинки и дорожки.
Петляет юркая река.
Над кручей робкие берёзки
Укрыли домик лесника.

Стоит ветряк, палимый зноем,
Облокотившись на костыль.
У ног его степным прибоем
Кипит разгневанно ковыль.

А там, где вырубки лесные
Сползли плешинами в лога,
От времени полугнилые,
Покорно сгорбились стога.

И ошетилившись, как зубры,
Лежат в секрете до поры,
Оскалив каменные зубы,
Противотанковые рвы.

Есть всё на этой карте старой:
И брод, и дуб, и высота,
И обгоревшие амбары,
И даже церковь без креста.

И пни с нахмуренными лбами,
И телеграфные столбы,
Что землю меряют шагами,
Поднявшись круто на дыбы.

Но нет на ней того рассвета,
Когда средь мнимой тишины
Вдруг в небо хarkнула ракета
Плевком кровавым... То войны

Был знак... Повиснув над полями,
Он стал искусственной Луной,
Он стал мостом между боями:
Ещё сигнал — и грянул бой!..

Да нет ещё на карте этой
Деревни: выпцвела давно.
Она, по всем моим приметам,
Вот здесь, где бурое пятно.

Где между соснами устало
Петляет юркая река,
Где алым-алым красноталом
Покрыло время берега.

...Над кручей братская могила
С одной на целый взвод звездой!
Стою, смотрю, как гнутся ивы,
По-детски брызгаясь водой.

Стою, как тот ветряк под зноем,
Облокотившись на костыль.
Стою... А предо мной прибоем
Кипит, кипит, кипит ковыль!..

Итак, окончена война...
И, дань погибшим отдавая,
Вдруг воцарилась тишина —
Невероятная, святая.

Казалось, мир от счастья нем,
Оглох, боясь промолвить слово.
Боясь, что где-то между тем
Заговорят зенитки снова!..

Напутствие

Кончаются пути-дороги,
Сужается порочный круг.
Пора бы подвести итоги,
Да всё, как будто, недосуг.

Пора бы, в суматохе буден,
Познать, увы, на склоне лет:
Что дал полезного я людям
И что я получил в ответ?

Личное

И стар, и млад грешны перед Творцом.
Но я пред ним не чувствую вины:
Я был хорошим сыном и отцом,
Я был хорошим мужем для жены.

Нас не коснулась горькая нужда.
Всегда хлеб-соль стояли на столе.

Всегда со мной была жена нежна,
А я всю жизнь души не чаял в ней!

Мы прожили с ней много-много лет.
Двенадцать раз пробило на часах.
Нам скоро предстоит держать ответ
Уже не на земле, на небесах!..

* * *

Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят
Себе на горе!..

Василий Фёдоров

Качая головой при этом,
Василий Фёдоров сказал:
Ты мог бы стать
Большим поэтом,
Но ты родиться опоздал.
Сказал, насупившись сурово,
Как генеральный прокурор.
Последние четыре слова, —
Меня смущают до сих пор.
С поэтов, знаю, взятки гладки.
Что это? Дёготь или мёд?
Сия загадка без отгадки
Мне жить спокойно не даёт.

Пусть я не вовремя родился,
Судить об этом не берусь.
А всё ж, родившись,
Пригодился —
Не запятнал родную Русь!
То, что я делаю, — от Бога,
И не сную туда-сюда:
У каждого — своя дорога,
У каждого — своя судьба.
Я, вопреки признанью друга,
Без строчки не провёл и дня.
Поэзия — моя подруга —
Вдовою станет без меня!

* * *

Не почиваю я на лаврах
И никогда не почивал.
Ни разу не был даже в Гаграх,
На Кипре — тоже не бывал.
Друзья меня не понимали.
Сулили денег дать займы.
Но тщетно!..
Жил я на Байкале
Всегда — всё лето до зимы.
Байкал достался мне в наследство,
Я был с ним сызмальства знаком.
И словно дервиш, впавший в детство,
Ходил по гальке босиком.
Любил я, грешник, жизнь бродяги.
Любил таёжные дары.

То — ручеёк из-под коряги,
То — родничок из-под скалы.

Писал восходы и закаты,
Ловил ленка в пучине вод.
Потом в стенах родимой хаты
Плескались волны круглый год.

Этюды были неплохие,
Меня ж не жаловал музей...
Они теперь по всей России
Журчат в хоромах у друзей!